

**ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

2022, Том 1, №2

*Главный редактор
журнала:
доктор юридических наук,
профессор*

**Серебренникова
Анна Валерьевна**

E-mail: blr-journal@yandex.ru

Сайт: <https://blr-journal.ru>

© Вестник юридических исследований 2022

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Корнилов Геннадий Александрович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Виктор Юрьевич (РФ, г. Ростов на Дону) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орел) – доктор юридических наук, доцент
Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент
Мустафаева Айтен Инглаб кызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор
Небрятенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Прошин Владимир Михайлович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Рустамов Хасплат Умалатович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор

Содержание

Елец С.А.

Сочетание частных и публичных интересов в современном семейном законодательстве России 4-11

Придворова М.Н.

Механизмы наложения санкций ЕС: от автономных полномочий к единому подходу 12-20

Серкерев С.Э.

Правовая характеристика наложения санкций в условиях борьбы с терроризмом 21-29

Аминов Г.А., Рагимов А.Т.

Правовая природа договоров в сфере краудфандинга: анализ регулирования отношений совместного инвестирования и спонсорства 30-38

***Сочетание частных и публичных интересов в современном
семейном законодательстве России***

Елец С.А., кандидат юридических наук,
помощник прокурора, г. Краснодар

Аннотация: на современном этапе развития демократического общества в нашей стране все больше внимания привлекают к себе категории «интерес», «публичный интерес», «частный интерес», которые рассматриваются как важные элементы системы социальных ценностей.

Следует отметить, что проблема интереса в праве и определения соотношения частных и публичных интересов в различных сферах жизнедеятельности всегда вызывала и вызывает влечение исследователей к его решению.

Не является исключением и сфера экономики, особенность дискуссий относительно частноправовых и публично-правовых аспектов правового регулирования в которой дополняется к тому же еще и противостоянием различных научных школ – гражданского и хозяйственного права.

Такое внимание ученых к проблеме интереса в хозяйственном праве обусловлена тем, что сочетание публично-правовых и частноправовых основ является характерным для хозяйственного законодательства, нормы которого регулируют хозяйственные отношения, возникающие в процессе организации (публично-правовой аспект) и осуществления хозяйственной деятельности (частноправовой аспект) между субъектами хозяйствования, а также между этими субъектами и другими участниками отношений в сфере хозяйствования. Такую позицию отстаивают представители хозяйственно-правовой науки.

Ключевые слова: семейное право, деятельность, исследование, позиция

The combination of private and public interests in modern family legislation in Russia

Yelets S.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Assistant Prosecutor, Krasnodar

Abstract: at the present stage of the development of a democratic society in our country, the categories of “interest”, “public interest”, and “private interest” are attracting more and more attention, which are considered as important elements of the system of social values.

It should be noted that the problem of interest in law and determining the ratio of private and public interests in various spheres of life has always attracted researchers to its solution.

The sphere of economics is no exception, the peculiarity of discussions regarding private law and public law aspects of legal regulation in which is complemented by the confrontation of various scientific schools - civil and commercial law.

Such attention of scientists to the problem of interest in economic law is due to the fact that the combination of public law and private law foundations is characteristic of economic legislation, the norms of which regulate economic relations arising in the process of organization (public law aspect) and the implementation of economic activities (private law aspect) between business entities, as well as between these entities and other participants in business relations. This position is defended by representatives of economic and legal science.

Keywords: *family law, activity, research, position*

Как и во времена Древнего Рима, ныне публичные интересы связывают с публичным правом как одной из составляющих (рядом с частным правом) права вообще, не всегда ввиду того, что право является производным применительно к интересу, поскольку выражает и защищает его присущими ему средствами и способами.

Впрочем, попытки ученых разных времен провести четкую грань между частным и публичным правом, так же, как и между публичными и частными интересами, не только не давало желаемого результата, а, наоборот, независимо от исторического периода, в котором осуществлялись такие исследования, только усиливало дискуссию, которая в России (так же, как и в некоторых других постсоветских государствах) угасла в конце 20-х гг. прошлого века за господство в юридической науке теории единства права и возродилась с новой силой, преимущественно, благодаря трудам ученых-цивилистов в конце XX–начале XXI века. при разработке проектов гражданского кодекса РФ.

Дальнейшее развитие в этой сфере и сохранением национальных традиций семейного законодательства возможно только в условиях этой в механизме семейно-правового регулирования. обеспечение интересов семьи, супругов, родителей нормы семейного права построены на основе и детей с учетом европейских подходов установления форм и границ взаимного дополнения частных и публичных интересов.

Действующий Семейный кодекс (далее – СК) РФ оперирует термином "интерес", однако, несмотря на этот факт, на данный момент понятие интереса на законодательном уровне не определено. Не отмечается единством взглядов и доктрина семейного права, создающая простор для разного его толкования в правоприменительной практике.

Такая ситуация не способствует формированию устойчивого видение понятия, правовой природы и системы интересов в семейном праве, отграничение их от смежных категорий, критериев классификации семейно-правовых интересов, что в конечном итоге негативно отражается на возможности выяснения элементов правового статуса субъектов семейного права.

Относительно к вопросу классификации интересов в семейном праве и семейных правоотношениях стоит отметить, что в научных трудах такая классификация не является достаточно изученной. Возникает

необходимость в выделении группы – интересы в семейных правоотношениях, осуществлении их классификации для определения как общих черт, так и индивидуальных свойств.

Меры государственного принуждения дают публичному интересу защиту. В результате признания государством общественных интересов, которые объективно существуют, публичный интерес выражается в правовых нормах, закрепляется в установленном порядке.

Принимая во внимание наше исследование, мы бы хотели провести собственную классификацию интересов в семейном праве РФ:

1) в зависимости от субъектов права: частные и публичные интересы семейного права.

Так, СК РФ предусматривает государственную регистрацию следующих юридических фактов: заключения брака (ст. 21, 27 СК РФ), расторжение брака (ст. 106, 107, 115 СК РФ), рождения физического лица (ст. 144 СК РФ) и ее происхождения (ст. 145-147 СК РФ), изменении имени (ст. 148, 149 СК РФ), изменении сведений о месте рождения и дате рождения ребенка, а также его происхождения в связи с усыновлением (ст. 229-231 СК РФ).

2) в зависимости от соответствия требованиям норм права: законные и противоправные интересы.

Для того, чтобы интерес лица был признан законным, он не должен быть противоправным [7]. Отсутствие у социального интереса такого признака, как его легальность, может объясняться различными причинами, одной из которых, может быть, устарелость имеющихся правовых форм, не учитывающих изменения в Общественной (в частности, экономической) жизни страны.

3) в зависимости от характера блага и его содержания, на удовлетворение которого направлен интерес имущественный интерес и неимущественный интерес.

Понятие личных неимущественных правоотношений с участием супругов определен в СК РФ: это урегулированные нормами семейного права отношения по поводу личных неимущественных благ и интересов лиц, состоящих в браке.

Больше всего прослеживается наличие имущественного интереса в случае расторжения брака.

В ч. 2 ст. 70 Семейного кодекса РФ указано, что в случае развода супругов, которые имеют детей, при рассмотрении такой категории дел суд может отступить от основы равенства долей супругов при обстоятельствах, имеющих существенное значение, особенно если один из них не заботился о материальном обеспечении семьи, уклонялся от участия в содержании ребенка (детей), скрыл, уничтожил или повредил общее имущество, тратил его в ущерб интересам семьи.

При осуществлении раздела имущества суд учитывает не только интересы супругов, но и детей. Также ключевыми являются следующие обстоятельства: с кем проживает ребенок (дети), степень участия второго супруга в обеспечении семьи.

Важно отметить, что не всегда охраняемый законом интерес не закреплено субъективным правом, в случае отсутствия возможности перехода такого интереса в субъективное право не означает отсутствия охраны или защиты такого интереса надлежащими юридическими способами и средствами.

Стоит отметить, что охраняемые законом интересы указывают субъекту-носителю, насколько правильным является для него процесс реализации. Чтобы нормы выступали залогом объективности и

эффективности закона, нормотворческая деятельность должна осуществляться с учетом насущных интересов гражданского общества.

Можно сделать вывод, что дать исчерпывающий перечень интересов, ввиду его сложности и многогранности, очень сложно. Есть ряд критериев классификации интересов в семейном праве, детального анализа требует также исследования соотношения и иерархии интересов в семейном праве, особенности их развития в современных условиях.

В последние годы слово "злоупотребление" в составе юридических терминов становится более привычным в отечественной юридической науке и практике, а также в законодательстве.

Слово «злоупотребление» управляет в устоявшихся юридических словосочетаниях различными зависимыми существительными (злоупотребление наркотическими средствами, психотропными веществами и прекурсорами; применением договоров; финансовыми услугами; служебным положением, злоупотребление монопольным положением и тому подобное) [7].

Мы указываем следующие существенные признаки злоупотребления правом в контексте семейных отношений:

1) недобросовестное осуществление гражданских прав при отсутствии оправданного интереса или в противоречии с его социальным назначением под влиянием корыстного, эгоистического интереса, отрицающего правомерность существования всякого другого интереса;

2) умысел или неосторожность в злоупотреблении правом через призму разумности и добросовестности;

3) наличие вреда или создание условий для наступления вреда при злоупотреблении правом;

4) наличие правовой неопределенности вследствие невозможности использования специальной нормы, которая регулирует недобросовестное осуществление гражданских прав, что вызывает к действию норму ст. 13 ГК РФ;

5) нормативная урегулированность путем запрета поведения, которая признается злоупотреблением правом [8].

Понятие злоупотребления интересами, в частности злоупотребление интересами в семейном праве, не известно в национальном законодательстве, в нашей статье мы подняли вопрос проблематики злоупотребления семейными интересами.

Для надлежащего изучения данного вопроса нам нужно исследовать что такое интерес в семейном праве и проанализировать возможно ли злоупотребление интересами одним из субъектов семейного права.

Семейные отношения возникают, складываются и развиваются в замкнутом семейном кругу и государству вмешаться в эту сугубо частную сферу часто очень сложно, именно в этом и заключается сложность их правового регулирования.

Обычай, традиции, законы стабилизировали семейные отношения, направляя в то русло, которое соответствовало уровню общественной потребности и национального сознания. В семейном законодательстве около пол сотни упоминаний понятия «интерес», однако содержание этого понятия остается до конца не раскрытым.

Особенностью формирования категории «интерес» в семейном праве является то, что данная категория является простым юридическим разрешением необходимым при любом деянии, которое не всегда имеет прямое выражение в правах и обязанностях субъекта и является направленным на обеспечение потребностей носителя и достижение блага.

Интерес является основным критерием разделения семейного права на публичное и частное. Факторами, способствовавшими развитию категории «интерес» в семейном праве является необходимость регулирования личных неимущественных и имущественных прав.

Разнообразие участников семейных правоотношений и необходимостью удовлетворения потребностей каждого члена семьи, которое бы не противоречило интересам и установленным обычаями или еще какими-то правилами, по нашему мнению, выражает особенность категории «интерес» в семейном праве.

Категорию «интерес» современная философия рассматривает как основную причину действий личности. Интерес имеет две составляющие: объективную, выражающуюся в совокупности объективных связей и субъективную, заключающуюся в осознании собственной социальной среды через призму независимых побуждений деятельности.

Таким образом «интерес» в семейном праве являются правовой категорией, имеющей указанные ниже признаки, которые являются общими другими отраслями права:

- 1) интерес является стимулом к деятельности субъектов;
- 2) опосредованное нормами, соответствуют области семейного права;
- 3) направлено на достижение определенной цели, выражает субъективный легитимное намерение получить материальное и нематериальное благо, пользоваться этим благом, достичь результата. Цель всегда принадлежит заинтересованному лицу;
- 4) может выступать самостоятельным объектом судебной и иной защиты;
- 5) принадлежит определенному субъекту семейных правоотношений и не может существовать отдельно от него.

Реализация и защита прав человека и члена семьи в частности, неразрывно связаны с проблемой правового обеспечения как интересов общества в целом, так и интересов отдельных социальных групп и граждан, а с другой стороны – с проблемой правильного взаимодействия и баланса индивидуальных интересов граждан и их объединений с интересами общества, государства.

Анализируя практику Верховного Суда РФ относительно способов защиты прав и интересов, прослеживается мысль, что в некоторых случаях защита права одних лиц являются производными от защиты интересов других.

Постановление Верховного Суда от 20.03.2019 года по делу №363/16 - Ц. Согласие ребенка на проживание с одним из родителей не должно быть абсолютным для суда, если такое согласие не будет соответствовать и способствовать защите прав и интересов ребенка [11].

Дело № 520/1351/17. Обстоятельствами, которые суд должен учесть при определении места жительства ребенка являются: конкретные условия воспитания, а не только материальное обеспечение ребенка; возраст ребенка, особенности его развития; характер взаимоотношений родителей или фактических воспитателей

(между собой и каждого из них с ребенком); отношение ребенка к родителям (фактических воспитателей); положительное или отрицательное воздействие родителей или фактических воспитателей на развитие ребенка, а также личностных качеств родителей на личную привязанность ребенка.

При этом защиты прав ребенка и проверки соблюдения ее прав и наилучших интересов должен способствовать не только тот из родителей, с которым сейчас находится ребенок, но и правоохранительные и другие органы в государстве компетенцию которых входит проверка информации относительно ребенка, его состояния, местонахождение и др [11].

Также, принимая во внимание принцип приоритета интересов некоторых членов стоит отметить, что интересы детей будут иметь приоритет при защите их в суде в отличие от интересов родителей.

В Постановлении Верховного Суда РФ от 06.06.2019 года по делу № 495/2106/17. В случае установления одинаковой привязанности ребенка к обоим родителям, место жительства ребенка определяется с тем из родителей, кем созданы более благоприятные условия проживания для нее [6].

Защита интересов ребенка являются ключевыми в вопросе решения презумпции в пользу матери, как это вытекает из Постановления Верховного Суда РФ от 18.03.2019 года по гражданскому делу № 213/3315/16-ц.

Большинство из перечисленных судом способов защиты можно отнести к способам, когда интерес защищается лишь через соответствующую защиту субъективного права, а не отдельно интереса как самостоятельного объекта защиты.

Очень важным является исключение доминирования публичных интересов над частными и соответственно исключение возможности злоупотребления интересами государством по отношению к интересам других субъектов семейных правоотношений.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // ИПС «Консультант Плюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // ИПС «Консультант Плюс».
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 01.01.2016) // ИПС «Консультант Плюс».
4. Указ Президента РФ от 14.05.96 №712 (ред. от 05.10.2002) «Об основных направлениях государственной семейной политики» // ИПС «Гарант».
5. Семейное право: учебное пособие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aUpravo.ru/library/doc100p0/instrum102/item168.html>
6. Альбиков И.Р. Защита прав и интересов лиц, состоящих в фактических супружеских отношениях: проблемы и правовые особенности их разрешения // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 14 – 15.
7. Богданова Л.П., Щукина А.С. Гражданский брак в современной демографической ситуации // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 100 – 105.

8. Борминская Д. Новые тенденции в развитии семейного права: внебрачные союзы на примере отдельных европейских стран // Семейное и жилищное право. 2007. № 2. С. 19 – 25.
9. Босанац М. Внебрачная семья: пер. с сербохорват / под ред. Н.М. Ершовой. М.: Прогресс, 1981. 144 с.
10. Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского гражданского права. М.: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1949. 544 с.
11. Гражданское и торговое право зарубежных государств: учебник / отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. М.: Междунар. отношения, 2006. Т. 2. 560 с.
12. Данилин В.И., Реутов С.И. Юридические факты в советском семейном праве. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 156 с.
13. Ильина О.Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейное и жилищное право. 2006. № 4. С. 28 – 35.
14. Корнакова С.В., Чигрина Е.В. Правовая культура личности как условие эффективной реализации ее прав и свобод // 20 лет Конституции России: актуальные проблемы развития правового государства: сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Андриянов, Н.В. Кешикова, В.П. Моисеев, В.В. Чуксина, Е.М. Якимова. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 125 – 131.

References

1. Semejnij kodeks Rossijskoj Federacii ot 29 dekabrja 1995 № 223-FZ (red. ot 30.12.2015). IPS «Konsul'tant Pljus».
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 30.12.2015). IPS «Konsul'tant Pljus».
3. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraja) ot 05.08.2000 № 117-FZ (red. ot 01.01.2016). IPS «Konsul'tant Pljus».
4. Ukaz Prezidenta RF ot 14.05.96 №712 (red. ot 05.10.2002) «Ob osnovnyh napravlenijah gosudarstvennoj semejnoj politiki». IPS «Garant».
5. Semejnoe pravo: uchebnoe posobie [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.aUpravo.ru/library/doc100p0/instrum102/item168.html>
6. Al'bikov I.R. Zashhita prav i interesov lic, sostojashhij v fakticheskih supruzheskih otnoshenijah: problemy i pravovye osobennosti ih razreshenij. Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2015. № 2. S. 14 – 15.
7. Bogdanova L.P., Shhukina A.S. Grazhdanskij brak v sovremennoj demograficheskoj situacii. Sociologicheskie issledovanija. 2003. № 7. S. 100 – 105.
8. Borminskaja D. Novye tendencii v razvitii semejnogo prava: vnebrachnye sojuzy na primere otidel'nyh evropejskih stran. Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2007. № 2. S. 19 – 25.
9. Bosanac M. Vnebrachnaja sem'ja: per. s serbohorvat. pod red. N.M. Ershovoj. M.: Progress, 1981. 144 s.
10. Genkin D.M., Novickij I.B., Rabinovich N.V. Istorija sovetskogo grazhdanskogo prava. M.: Jurid. izd-vo M-va justicii SSSR, 1949. 544 s.

11. Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnyh gosudarstv: uchebnik. otv. red. E.A. Vasil'ev, A.S. Komarov. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 2006. T. 2. 560 s.
  12. Danilin V.I., Reutov S.I. Juridicheskie fakty v sovetskom semejnomo prave. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1989. 156 s.
  13. Il'ina O.Ju. Brak kak forma gosudarstvennogo priznanija otnoshenij mezhdu muzhchinoj i zhenshhinoj. Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2006. № 4. S. 28 – 35.
  14. Kornakova S.V., Chigrina E.V. Pravovaja kul'tura lichnosti kak uslovie jeffektivnoj realizacii ee prav i svobod. 20 let Konstitucii Rossii: aktual'nye problemy razvitija pravovogo gosudarstva: sb. nauch. tr. redkol.: V.N. Andrijanov, N.V. Keshikova, V.P. Moiseev, V.V. Chuksina, E.M. Jakimova. Irkutsk: Izd-vo BGUJeP, 2014. S. 125 – 131.
-

Механизмы наложения санкций ЕС: от автономных полномочий к единому подходу

Придворова М.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Тамбовский государственный технический университет

Аннотация: все санкции ЕС можно условно разделить на те, которые были введены до заключения Лиссабонского договора, и те, которые были введены после его заключения. Некоторые важные санкционные режимы ЕС, в частности в отношении международных террористических групп, были введены до 2009 года, поэтому целесообразно рассмотреть механизм, который был использован для их введения, и акты, которые продолжают влиять на санкционные режимы Европейского Союза. Первые санкции, наложенные ЕС, касались третьих стран. Изначально существовало две возможности: принятие санкции против третьих стран на основании резолюции Совета Безопасности ООН; принятие санкций с использованием собственных автономных полномочий. Режим автономных санкций возник в результате сложностей, с которыми сталкивались государства-члены при имплементации резолюций Совета Безопасности ООН. Будучи членами ООН, европейские страны выполняли эти резолюции, имплементируя их в собственное национальное законодательство, а не с использованием механизмов ЕС. Однако, этому механизму не хватало единства, что является предпосылкой всех европейских политик, из-за чего государства-члены пришли к выводу о необходимости имплементации санкций ООН через механизмы ЕС.

Ключевые слова: полномочия, Совет Безопасности, национальное законодательство, резолюция, результат

EU sanctions mechanisms: from autonomous powers to a unified approach

Pridvorova M.N., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tambov State Technical University

Abstract: all EU sanctions can be divided into those that were introduced before the conclusion of the Lisbon Treaty and those that were introduced after its conclusion. Some important EU sanctions regimes, in particular with regard to international terrorist groups, were introduced before 2009, so it is advisable to consider the mechanism that was used to introduce them and the acts that continue to affect the sanctions regimes of the European Union. The first sanctions imposed by the EU concerned third countries. Initially, there were two possibilities: the adoption of sanctions against third countries on the basis of a UN Security Council resolution; the adoption of sanctions using their own autonomous powers. The regime of autonomous sanctions arose as a result of the difficulties faced by Member States in implementing UN Security Council resolutions. As members of the UN, European countries implemented these resolutions by implementing them into their own national legislation, and not using EU

mechanisms. However, this mechanism lacked unity, which is a prerequisite for all European policies, which is why the member states came to the conclusion that it was necessary to implement UN sanctions through EU mechanisms.

Keywords: *powers, Security Council, national legislation, resolution, result*

До заключения Маастрихтского договора ЕС использовал двухэтапную процедуру имплементации этих экономических санкций против третьих стран. Первым следовало политическое решение об определенном направлении политики и координации действий в отношении экономических санкций. Далее, в зависимости от природы Запада, это решение должно было быть имплементировано самими государствами-членами, или сообществами через общую торговую политику согласно ст. 133 договора о Европейском сообществе (далее – ДЕЭС).

Следовательно, содержание ст. 301 Маастрихтского договора сохранило двухэтапную процедуру внедрения ограничительных мер. Статья 301 требует на первом этапе этого процесса принятия общей позиции или совместного действия в рамках СЗППБ и имплементации соответствующего документа регламентом Рады на втором этапе [3]. Буквальное толкование этой статьи приводит к выводу, что ее положения ограничены по объему. Во-первых, она предусматривает возможность принятия не всех санкций, а только тех, которые прерывают или сокращают экономические отношения. Санкции, не имеющие такой цели, должны были имплементироваться другим способом, например, государствами-членами. Например, представляется, что применение этой статьи возможно для введения санкций только против государств. Следовательно, статья, по меньшей мере формально, исключала возможность введения санкций против лиц. Наконец, она касается только "третьих стран", а значит санкции против государств-членов ЕС на ее основании ввести невозможно. На практике, однако, положения статьи толковались довольно расширенно.

Второй этап принятия санкций зависел от природы Запада. Если общая позиция вводила экономические и финансовые санкции, такие как замораживание активов, ограничение импорта и экспорта, запрет инвестиций и кредитования, комиссия подавала предложение по регламенту Совета, который принимался квалифицированным большинством на основании ст. ст. 301 и 60 для имплементации общей позиции [7]. Принятие регламента на втором этапе гарантировало, что политические цели, изложенные в общих позициях, становятся обязательным законодательством Союза.

Следует, однако, отметить, что в случаях, когда общей позицией вводилось эмбарго на поставки оружия или запрет въезда в страны ЕС, их имплементация возлагалась на национальные государства через их законодательство. Примером этого могут послужить принятые в 2006 году санкции против Мьянмы. Некоторые меры, такие как ограничение импорта и экспорта и кредитование были имплементированы регламентом Совета, другие же, такие как эмбарго на поставки оружия и запрет на въезд дипломатическим представителям Мьянмы, имплементировались непосредственно государствами-членами.

До сих пор речь шла о санкциях против государств. Однако, как уже упоминалось ранее, механизм ст. ст. 301 и 60 трактовался широко, как позволяющий введение любых санкций, в том числе, санкций против лиц. Такие ограничения стали особенно часто использоваться как ООН, так и ЕС с развитием теории целевых санкций, налагаемых непосредственно на виновников определенных правонарушений и не затрагивающих всего населения целевой страны. Чтобы разрешить противоречие между текстом ст. ст. 60 и 301 и необходимостью использования инструментария целевых санкций, Совет и комиссия согласились широко толковать концепцию "третьей страны". Соответственно, санкции против физических лиц вводились по такой же самой процедуре, что и санкции против третьих стран. При этом, физические лица рассматривались как связанные с правительством третьей страны и могут скорректировать ее поведение без разрывания экономических связей [10]. К таким лицам были отнесены те, кто принимает решения относительно государственной политики, лица и группы, которые физически контролируют части государственной территории, занимают ведущие посты в государственном аппарате, или финансово поддерживают таких лиц. Также Совет использовал этот подход к членам семей указанных выше лиц, поскольку семейные связи могли быть использованы для избежания или смягчения негативного эффекта санкций.

Новый подход ЕС может быть проиллюстрирован на примере санкций против югославских чиновников. В 1999 году Совет принял ограничительные меры в отношении Федеративной Республики Югославия, которые заключались в замораживании активов и запрете инвестирования. За год эти меры были отменены из-за смены правительства. Однако, санкции против С. Милошевича и других членов бывшего югославского правительства были сохранены. Хотя санкции уже не были направлены против страны, их принятие и сохранение происходило в соответствии с процедурой ст. ст. 60 и 301, поскольку лица, на которых были наложены санкции, были связаны с государственной территорией. Широкий подход сохранился и после принятия Лиссабонского договора, которым нумерация статей была изменена [8].

Можно выделить еще один специфический вид европейских санкций – Санкции против лиц, не связанных с третьим государством. Обычно речь идет о подозреваемых в связях с международными террористическими группами, которые не имеют тесной связи с определенной государственной территорией или регионом и могут действовать по всему миру. Хотя необходимость реагирования на акты террора после 11 сентября 2001 года была очевидной, встал вопрос о правовом основании введения санкций против террористов и связанных с ними лиц, ведь террористические группы не всегда связаны с государственной территорией и использование санкций против них никак не может рассматриваться как санкции против третьих стран.

На первый взгляд, разработанная процедура была аналогичной процедуре введения санкций против государств, однако добавление ст. 308 принесло два важных отличия. Во-первых, принятие регламента в отношении лиц, не связанных с третьей страной, требовало единства государств членов вместо голосования квалифицированным большинством. Во-вторых, добавилась необходимость проводить консультации с Европейским Парламентом до назначения голосования.

В общем, решение о применении ст. ст. 60 и 301 для введения санкций против физических лиц (как связанных, так и не связанных с государством) вряд ли можно назвать идеальным с правовой точки зрения. Конечно, можно говорить о применении аналогии закона, однако возникает вопрос. Может ли аналогия применяться в этом случае. Если говорить о применении ст. 301 к физическим лицам по аналогии, то наиболее очевидным ее объяснением является то, что на момент заключения ГФЕС ни ООН, ни ЕС не применяли такого инструмента как санкции против физических лиц, а следовательно с началом его применения возник пробел в праве, который надо было преодолеть с помощью аналогии. Однако требует уточнения вопроса, предусматривалась ли при составлении текста ст. 301 возможность ее применения по аналогии? Чтобы ответить на этот вопрос, целесообразно установить, сходны ли с политической и экономической точек зрения индивидуальные санкции к санкциям против государств [5].

С политической точки зрения, необходимо начать с того, что санкции против государств могут иметь долговременный политический эффект как для государства, против которого применены санкции, так и для государства, применяющего санкции. Государство, которое вводит санкции, принимает во внимание политические и экономические соображения, отношения с государством, в отношении которого вводятся санкции и своих союзников, чьи интересы могут пострадать. Может показаться, что этого не происходит в случае индивидуальных санкций, однако более пристальное рассмотрение показывает, что и в этом случае могут возникать аналогичные проблемы, ведь санкции, как правило, вводятся против лиц, имеющих политическое влияние в государстве, или лиц, которые, хотя и не имеют связи с государством, способны к действиям в ответ, таких как террористические акты, или наоборот могут воспользоваться законными средствами защиты своих интересов, такими как обращение в суд ЕС.

Экономическое измерение ст. 301 заключается в ее первоначальной задаче создания общей торговой политики. Это означает, что ЕС применяет единый подход к торговле с третьими странами [1]. В случае введения экономических или финансовых санкций, это означает, что все государства-члены должны применять одинаковый подход к их имплементации. Санкции против всего государства, очевидно, позволяют добиться единого подхода. Санкции против лиц лишь в некоторых случаях затрагивают совместную торговую политику. Если речь идет о применении санкций к физическому лицу по политическим соображениям, экономические интересы представляются незатронутыми. Однако, когда речь идет о некоторых юридических лицах (таких как крупные компании или банки), это может оказать экономическое влияние.

Вероятно, ЕС мог бы пойти по другому пути, используя для наложения индивидуальных санкций лишь статьи 60 и 301, поскольку существует связь между санкционными режимами ООН и ЕС. Как среди санкций против государств, так и среди санкций против лиц, большинство в ЕС вводится через имплементацию соответствующих резолюций СБ ООН. Поскольку санкции против государств вводятся на основании ст. 301, ЕС мог бы использовать ту же статью для наложения индивидуальных санкций. Статья 301 требует принятия решения по СЗППБ в соответствии со ст. 11 (ныне ст. 24), предназначенная для сохранения мира и усиления международной безопасности согласно принципам Устава ООН. Поддержание международного мира и безопасности является принципом Устава ООН, а также отражена в уставных

документах ЕС. Соответственно, можно считать, что ООН и ЕС связаны через преследование ими общей цели. Как отмечала комиссия, " тот факт, что формулировка ст. 41 Устава ООН и ст. 301 ДЕЕС показывает, что авторы последнего явно имели целью создать платформу для имплементации сообществом всех мер, принятых Советом Безопасности, призывающих к действиям сообщества».

Основания для такого вывода не совсем понятны. Статья 301 никоим образом не ссылается на документы ООН или решения Совета Безопасности, а ее расположение в договоре отделяет ее от положений, регулирующих ведение СЗППБ, следовательно прямой связи между ст. 41 Устава ООН и ст. 301 ГФЕС не прослеживается [4].

Т. Тридимас и Х. Гутьерес-Фонс выдвигают четыре аргумента в пользу использования исключительно ст. ст. 60 и 301. прежде всего они ссылаются на текстуальный аргумент Генерального адвоката Суда ЕС Мадуро, который заявил, что нигде в тексте ст. 301 не исключается применение индивидуальных санкций. Второй аргумент связан с историческим толкованием того факта, что авторы договора никогда не имели целью исключить возможность введения индивидуальных санкций. Причиной того, что индивидуальные санкции не упомянуты в тексте статьи является то, что на момент заключения ГФЕС индивидуальные санкции не практиковались. Третьим и четвертым аргументом, которые являются взаимосвязанными, Тридимас и Гутьерес-Фонс пытаются использовать онтологическое и эволюционное толкование для доказательства того, что ст. ст. 60 и 301 является достаточным правовым базисом для введения индивидуальных санкций ЕС. По их мнению, выбор индивидуальных санкций диктовался соображениями уменьшения гуманитарных последствий от всеобъемлющих санкций против государства и повышения их эффективности. Конечно, этот аргумент является скорее политическим, чем правовым, однако он, в целом, соответствует задачам ст. 301, регулирующей политические цели СЗППБ.

Последний возможный аргумент в пользу использования исключительно ст. ст. 60 и 301 можно найти в деле суда первой инстанции Леонид Минин против комиссии. В этом деле Суд отметил, что хотя лица, на которых были наложены санкции больше не контролируют государственной территории, " они продолжают подрывать мир в Либерии и соседних странах, а наложенные на них ограничительные меры имеют надлежащую связь с территорией или правителями этой страны и должны рассматриваться как разработанные для сокращения полностью или частично экономических отношений с третьей страной для целей ст. ст. 60 и 301. Следовательно, сообщество имеет полномочия для принятия соответствующих мер на основании этих положений ".

Рассмотрев эти аргументы, возникает вопрос о необходимости добавления ст. 308 к ст. ст. 60 и 301 для обоснования индивидуальных санкций. Можно вспомнить, что Суд первой инстанции охарактеризовал ст. ст. 60 и 301 как специальные положения, которые служат «мостами» между бывшими первой и второй опорами [6]. Поскольку Суд рассматривал этот "мост" в крайне исключительной ситуации, где исчезает различие между опорами, можно считать, что ст. 308 служит дополнительным правовым основанием для определения такой исключительной ситуации. По другому делу Суд первой инстанции указал, что такой «мост» ограничивается исключительно экономическими санкциями, однако отметил, что добавление ст. 308 для расширения сферы охвата ст. 301 на индивидуальные санкции.

Можно подытожить, что аргументы в пользу включения ст. 308 в ст. ст. 60 и 301 основываются на онтологическом толковании их содержания в свете развития международных событий. Введенные Маастрихтским договором, эти статьи появились, когда сам институт индивидуальных санкций не существовал, или, по крайней мере, был неразвитым, следовательно не был включенным в статьи. Однако, в следующее десятилетие индивидуальные санкции начали применяться довольно широко, поскольку стало понятным, что не только государства, но и террористы и террористические группы представляют угрозу международной безопасности.

Онтологическое толкование ст. ст. 60 и 301 стало единственным возможным путем преодоления проблем, возникающих при распространении их действия на физических лиц. Изложенные в них нормы толкуются в свете их цели и в более широком контексте правопорядка ЕС, что позволяет распространять их действие на ситуации, которые прямо не указаны в статьях. Однако, на случай, если онтологическое толкование ст. ст. 60 и 301 будет недостаточным для преодоления противоречия между санкциями против государств и индивидуальными санкциями, ст. 308 становится дополнительным правовым основанием, использование которого обосновывается потребностью, чтобы действия Союза соответствовали развитию международных отношений.

Можно вспомнить дело Сисон против Совета, где Совет отметил, что ст. 308 была использована, поскольку таким образом «сообщество смогло соответствовать развитию международной практики использования «разумных санкций», направленных против физических и юридических лиц, представляющих угрозу международному миру и безопасности, особенно с учетом изменений политических обстоятельств после 11 сентября 2001 года". Иными словами, Совет считал, что отказ от ст. 308 означала бы несоответствие его решений развитию международных событий [9].

Применение ст. 308 потенциально позволяет накладывать индивидуальные санкции как на физических лиц, связанных с государством, так и на физических лиц, не связанных с государством. Потребность санкций в отношении последних возникла в связи с введением соответствующих санкций ООН и необходимостью их имплементации на уровне ЕС. Вышеупомянутая резолюция СБ ООН 1373 разрешила вводить такие санкции без учета списков ООН в автономном порядке.

Для имплементации соответствующих резолюций ООН, ЕС использовал традиционную двухэтапную процедуру. Была принята общая позиция 2001/931, в которой были изложены общие основания применения санкций, и Регламент Совета 2580/2001, которым, собственно, и были введены санкции. Ими была создана всеобъемлющая система наложения санкций на физических и юридических лиц, подозреваемых в терроризме или его финансировании.

Процедура внесения физических лиц в санкционные списки была очерчена ст. 1 (4) общей позиции 2001/931, согласно которой "Список в приложении разрабатывается на основании точной информации или материалов, указывающих на то, что решение было принято компетентным органом в отношении физических лиц, групп или юридических лиц, независимо от того такое решение основывалось на расследовании или наличии обвинения в совершении террористического акта, или попытке осуществить, принять участие в осуществлении или облегчить осуществление такого акта, о котором стало известно на

основании серьезного и заслуживающего на доверие показания или доказательства таких действий. Физические лица, группы и юридические лица, определенные СБ ООН как связанные с терроризмом, или против которых введены санкции, могут быть включены в список».

Текст статьи не приводит четких критериев для включения лиц в санкционный список, однако можно определить основные основания для такого включения. Во-первых, решение должно быть принято компетентным органом, а следовательно предварительное осуждение не становится предпосылкой для включения в список. Более того, лицо, группа лиц или юридическое лицо могут быть включены в список, как только компетентный орган примет решение по расследованию. Во-вторых, государства-члены могут предоставлять необходимую информацию для включения лиц в список. На практике это означает, что включение подозреваемых лиц в список также регулируется ст. ст. 60, 301, и в целом СЗППБ. С другой стороны, возникает проблема включения в санкционные списки лиц, являющихся резидентами ЕС, ведь они не подпадают под действие СЗППБ.

В период до заключения Лиссабонского договора такой подход вызвал проблему судебного пересмотра решения о включении в санкционный список. Эта проблема может быть рассмотрена на примере дела Сеги против Совета. Сэги была определена как организация, участвующая в террористической деятельности и имеющая связи с террористической организацией ЭТА. После того, как Европейский суд по правам человека отказался признать свою юрисдикцию, поскольку он не нашел нарушения прав по Европейской конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод, Сэги подала иск в суд первой инстанции, заявляя о том, что она понесла убытки из-за включения в санкционный список по общей позиции 2001/931. организация оспаривала использование ст. 34 для принятия общей позиции, поскольку, по ее мнению, это лишило ее возможности судебного пересмотра и было прямым злоупотреблением полномочиями Союза.

Суд первой инстанции заявил об отсутствии у него юрисдикции по рассмотрению дела по существу, поскольку юрисдикция могла бы касаться лишь злоупотреблений полномочиями [2]. В этом же деле Суд признал, что ст. 34 была правомерным правовым основанием для принятия общей позиции в отношении Сеги. Установив, что у него нет компетенции для пересмотра введенных ограничительных мер, а также для пересмотра правомерности общей позиции, принятой на основании ст. 46, Суд рассмотрел вопрос Можно ли рассматривать вопрос о компенсации вреда, вызванного общей позицией. Он пришел к выводу, что это невозможно, поскольку " из ст. 46 Договора о Европейском Союзе следует, что в контексте главы VI Договора, единственными судебными средствами являются те, которые содержатся в ст. 35 Договора о Европейском Союзе, и содержат ссылки на предыдущие решения и иски об аннулировании и процедуре разрешения споров между государствами». Определив, что у него нет юрисдикции в отношении иска о возмещении вреда, Суд первой инстанции также указал, что вынесение предварительного решения о правомерности включения в список также невозможно. Также он отверг требование Сеги, основанное на злоупотреблении процедурой таким образом, чтобы лишить ее возможности судебного пересмотра, поскольку процедура, которую использовал совет и выбор общей позиции на основании ст. 34 соответствовал принципу распределения полномочий.

Вопросы о правовом базисе и возможности судебного пересмотра существуют не только относительно общих позиций, но и относительно регламентов совета, с помощью которых происходит имплементация этих общих позиций. Так, для имплементации общей позиции 2001/931 Рада приняла регламент 2580/2001 на основании ст. ст. 60, 301 и 308 ДЕЭС. Этот регламент касался только "внешних" террористов; им были заморожены активы лиц, указанных в санкционных списках и было запрещено предоставление им финансовых услуг.

Вопрос о том можно ли считать ст. ст. 60, 301 и 308 надлежащим правовым основанием для принятия регламента был рассмотрен Судом первой инстанции по делу Сисон против Совета. По мнению истца, Рада не имела полномочий для принятия регламента на основании указанных статей, поскольку они позволяют введение санкций исключительно против третьих стран, но не лиц или организаций. Также истец утверждал, что у совета нет полномочий единолично создавать санкционные списки физических и юридических лиц, поскольку это фактически предоставляет совету судебные полномочия, которые не предусматриваются уставными договорами ЕС.

Суд первой инстанции, однако, не согласился с этими доводами и отметил, что ст. ст. 60, 301 и 308 составляли надлежащий правовой базис для принятия регламента 2580/2001. он отверг аргумент о присвоении Советом судебных полномочий, поскольку наложенные санкции не несли черт уголовного наказания. Также суд сослался на собственные предварительные выводы по делу Кади и установил, что ст. ст. 60, 301 и 308 были достаточным правовым основанием для введения санкций против лиц, не связанных с государством.

Литература

1. Council of the European Union. Autonomous sanctions. 2009. Retrieved from <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/autonomous-sanctions/>
2. European Union External Action. Sanctions policy. 2021. Retrieved from https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/area/geo_en/364/sanctions-policy_en
3. Gómez-Acebo & Pombo Abogados. EU autonomous sanctions. 2019. Retrieved from <https://www.gomezacebo-pombo.com/en/news-and-publications/eu-autonomous-sanctions/>
4. Lavranos N. The legal basis for autonomous EU sanctions. 2019. Retrieved from <https://www.ejiltalk.org/the-legal-basis-for-autonomous-eu-sanctions/>
5. Lukaszewski W. The role of the European Union in implementing UN sanctions. 2019. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/331136221_The_Role_of_the_European_Union_in_Implementing_UN_Sanctions
6. Mavrommatis S. The EU's autonomous sanctions policy: A legal framework in motion. 2019. Retrieved from <https://www.ejiltalk.org/the-eus-autonomous-sanctions-policy-a-legal-framework-in-motion/>
7. Mazzola A. The European Union's use of autonomous sanctions in response to human rights violations: A legal analysis. 2017. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/319425207_The_European_Unions_Use_of_Autonomous_Sanctions_in_Response_to_Human_Rights_Violations_A_Legal_Analysis

8. Nafziger J.A. The evolution of European Union sanctions policy: From a tool of foreign policy to a rule of law instrument. 2015. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/284883529_The_Evolution_of_European_Union_Sanctions_Policy_From_a_Tool_of_Foreign_Policy_to_a_Rule_of_Law_Instrument

9. Pollack M.A., Shaffer G.C. The legal architecture of EU sanctions. 2017. Retrieved from <https://www.ejiltalk.org/the-legal-architecture-of-eu-sanctions/>

10. Villumsen F. EU autonomous sanctions: An analysis of the legal framework. 2019. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/331035643_EU_Autonomous_Sanctions_An_Analysis_of_the_Legal_Framework

References

1. Council of the European Union. Autonomous sanctions. 2009. Retrieved from <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/autonomous-sanctions/>

2. European Union External Action. Sanctions policy. 2021. Retrieved from https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/area/geo_en/364/sanctions-policy_en

3. Gómez-Acebo & Pombo Abogados. EU autonomous sanctions. 2019. Retrieved from <https://www.gomezacebo-pombo.com/en/news-and-publications/eu-autonomous-sanctions/>

4. Lavranos N. The legal basis for autonomous EU sanctions. 2019. Retrieved from <https://www.ejiltalk.org/the-legal-basis-for-autonomous-eu-sanctions/>

5. Lukaszewski W. The role of the European Union in implementing UN sanctions. 2019. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/331136221_The_Role_of_the_European_Union_in_Implementing_UN_Sanctions

6. Mavrommatis S. The EU's autonomous sanctions policy: A legal framework in motion. 2019. Retrieved from <https://www.ejiltalk.org/the-eus-autonomous-sanctions-policy-a-legal-framework-in-motion/>

7. Mazzola A. The European Union's use of autonomous sanctions in response to human rights violations: A legal analysis. 2017. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/319425207_The_European_Unions_Use_of_Autonomous_Sanctions_in_Response_to_Human_Rights_Violations_A_Legal_Analysis

8. Nafziger J.A. The evolution of European Union sanctions policy: From a tool of foreign policy to a rule of law instrument. 2015. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/284883529_The_Evolution_of_European_Union_Sanctions_Policy_From_a_Tool_of_Foreign_Policy_to_a_Rule_of_Law_Instrument

9. Pollack M.A., Shaffer G.C. The legal architecture of EU sanctions. 2017. Retrieved from <https://www.ejiltalk.org/the-legal-architecture-of-eu-sanctions/>

10. Villumsen F. EU autonomous sanctions: An analysis of the legal framework. 2019. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/331035643_EU_Autonomous_Sanctions_An_Analysis_of_the_Legal_Framework

Правовая характеристика наложения санкций в условиях борьбы с терроризмом

Серкеров С.Э., кандидат юридических наук,
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова,
заместитель начальника Управления Администрации Главы и Правительства
РД по организации обеспечения деятельности Правительства РД,
действительный государственный советник Республики Дагестан 1-го класса

Аннотация: борьба с международным терроризмом является одной из приоритетных задач СЗППБ после террористических атак 11 сентября 2001 года. Специфика этой борьбы заключается в том, что террористические образования не являются государствами, следовательно использование против них экономических или финансовых санкций затруднено их скрытностью и закрытостью финансовых операций. Дополнительно возникает проблема соотношения борьбы с терроризмом и прав человека, а также прав юридических лиц, поскольку использование экономических и финансовых санкций против террористических организаций с большой вероятностью может затронуть третьих лиц. Одной из задач стратегии стало создание неблагоприятной среды для террористов через уничтожение источников их финансирования. Было отмечено, что ЕС уже предпринял необходимые меры по замораживанию активов террористов, однако существует потребность в создании единого европейского законодательства в сфере борьбы с отмыванием денег и неправомерным использованием полученных в ЕС доходов. Отмечалось, что необходимо создать единую службу финансовых расследований, которая должна стать неотъемлемой частью любого контр-террористического расследования. Наконец, борьба с терроризмом стала одной из ключевых задач ЕС при создании ПСБП. В частности, в принятой в 2005 году Гаагской программе указывалось, что ответ на террористическую угрозу должен быть всеобъемлющим, а одним из видов такого ответа является борьба с финансированием терроризма. Это нашло свое отражение и в Конвенции Совета Европы по предотвращению терроризма. Ею стороны обязались осуществить необходимые меры для предотвращения преступления терроризма, в частности через внедрение экономических санкций против юридических лиц, подозреваемых в поддержке терроризма.

Ключевые слова: внедрение, терроризм, меры, программа, ключевые задачи

Legal characteristics of the imposition of sanctions in the fight against terrorism

Serkerov S.E., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov,
Deputy Head of the Department of Administration of the Head and Government
of RD for the organization of ensuring the activities of the Government of the Republic of Dagestan,
1st class Acting State Adviser of the Republic of Dagestan

Abstract: the fight against international terrorism is one of the priorities of the NWPPB after the terrorist attacks of September 11, 2001. The specificity of this struggle lies in the fact that terrorist entities are not States, therefore, the use of economic or financial sanctions against them is hampered by their secrecy and closeness of financial transactions. Additionally, there is a problem of the correlation between the fight against terrorism and human rights, as well as the rights of legal entities, since the use of economic and financial sanctions against terrorist organizations is likely to affect third parties. One of the objectives of the strategy was to create an unfavorable environment for terrorists through the destruction of their sources of financing. It was noted that the EU has already taken the necessary measures to freeze the assets of terrorists, but there is a need to create a unified European legislation in the field of combating money laundering and the misuse of income received in the EU. It was noted that it is necessary to create a single financial investigation service, which should become an integral part of any counter-terrorist investigation. Finally, the fight against terrorism has become one of the key tasks of the EU when creating the PSBP. In particular, the Hague Program adopted in 2005 stated that the response to the terrorist threat should be comprehensive, and one of the types of such response is the fight against the financing of terrorism. This is reflected in the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism. By it, the parties undertook to implement the necessary measures to prevent the crime of terrorism, in particular through the introduction of economic sanctions against legal entities suspected of supporting terrorism.

Keywords: *implementation, terrorism, measures, program, key tasks*

Были предложены и конкретные меры, направленные на борьбу с преступлением международного терроризма. Среди них были и такие, которые направлены на прерывание финансирования терроризма, в частности непосредственно на ограничение доступных подозреваемым в террористической деятельности фондов и экономических ресурсов, а также на пресечение злоупотреблением финансовой системой для поставки денег на террористические цели. В первом случае речь идет о практике создания списков лиц и организаций, подозреваемых в причастности к терроризму, с целью замораживания их активов [3].

Практика ЕС в создании списков базируется на режиме антитеррористических санкций, принятом в рамках Совета Безопасности ООН. В рамках ЕС осуществляется имплементация политики РБ по санкциям.

Наиболее заметными из соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН являются резолюция 1267 и резолюция 1333, касавшиеся борьбы с организациями Аль-Каида и Талибан. Резолюциями предлагалось применить три основных типа принудительных мер: замораживание активов, запрет въезда и эмбарго на поставки оружия. Нельзя не упомянуть также и контртеррористическую резолюцию 1373. ею указывалось на обязанность всех государств бороться с финансированием терроризма и немедленно заблокировать финансовые активы и экономические ресурсы лиц, осуществляющих или подозреваемых в осуществлении террористической деятельности, а также лиц и организаций, действующих по их указанию, в том числе, средства полученные, или находящиеся под контролем связанных лиц или организаций. Резолюцией устанавливалась также обязанность для всех государств запретить своим гражданам и любым

лицам и организациям на их территории предоставлять финансовые средства, активы и экономические ресурсы для прямого или косвенного использования в террористической деятельности.

В смысле резолюций, замораживание активов предусматривало замораживание всех фондов и финансовых ресурсов, принадлежащих лицам, считающимся близкими к международному терроризму. Поскольку такие целевые санкции по своей природе являются превентивными, их применение базировалось не на наличии приговора суда, но лишь на разведывательной информации, предоставляемой ООН государствами-членами [7]. На основании такой информации Комитет по санкциям Совета Безопасности разрабатывал так называемые сводные списки (*consolidated list*), содержавшие имена и персональные данные тех физических и юридических лиц, которые подозревались в связях с терроризмом. Из-за их имплементации к праву ЕС в правовом порядке Европейского Союза образовалось два списка: первый, соответствующий спискам ООН, и второй собственный список ЕС, который является автономным.

Врожденным пороком механизма Совета Безопасности ООН по применению санкций стало полное отсутствие процедур исключения из списков, с помощью которых подозреваемые лица могли бы оспаривать подозрение себя в причастности к терроризму. В контексте финансовых санкций это означало, что затрагиваются такие фундаментальные права человека как право на собственность, семейные права, право на личную жизнь. Также Рада подвергалась критике за непрозрачность механизмов включения в списки. Со временем ситуация улучшилась, особенно после принятия резолюции 1904, которой был создан офис Омбудсмана, ответственного за получение и обработку запросов об исключении из списка от физических и юридических лиц, на которых наложены санкции [10].

При рассмотрении европейских санкционных стратегий в борьбе с терроризмом следует принимать во внимание то, что они составляются при многих мерах, применяемых на разных уровнях: уровне ООН, уровне самого ЕС и уровне государств, являющихся членами обеих организаций. Так что следует говорить о многоуровневой борьбе с терроризмом. Однако, пересечение различных уровней приводит к проблемам с определением компетенций и координацией. ЕС находится в довольно неудобном положении между ООН и собственными государствами-членами, которые также входят в ООН. Как отмечает М. Кремона, это происходит также и потому, что ЕС позиционирует себя как глобального актера, способного проводить общую внешнюю и политику безопасности, а следовательно фактически принимает на себя обязательства по выполнению резолюций Совета Безопасности ООН от имени государств-членов. Однако, ЕС не может от своего имени предоставлять подозреваемым доступ к правосудию относительно резолюций Совета Безопасности. В результате этого, простой перенос целевых санкций ООН в правовую систему ЕС привел к созданию смешанных правовых актов, которые затрагивали права физических и юридических лиц [8]. Это ставило под угрозу весь европейский правовой порядок и его автономию, ведь под ударом оказывался основной его принцип – уважение к правам человека. Возникла необходимость в принятии собственных документов ЕС, которыми можно было бы руководствоваться при внедрении индивидуальных финансовых санкций.

Эта проблема проявилась в решениях суда ЕС, касавшихся вопроса исключения лиц из санкционных списков. Одним из таких дел было уже описанное дело Кади. Следует также упомянуть дело *Organisation*

des FModjahedines du Peuple de l'Iran (ОМПИ). Это было первое дело, где была успешно пересмотрена контртеррористическая ограничительная мера ЕС, принятая против физического лица. Впервые Судом первой инстанции был аннулирован акт ЕС о включении лица в список подозреваемых в финансировании терроризма, а именно решение Совета 2005/930/ЕСXXXIX. Суд решил, что решение Совета о включении ОМПИ в список не содержало необходимых процедурных гарантий, обычно предусмотренных в Европейском правовом порядке в случаях, когда решение может привести к негативным последствиям для прав физического лица, а именно права на справедливое судебное разбирательство [5]. По мнению суда, оспариваемое решение не содержало надлежащего описания причин включения в список и было принято по такой процедуре, которая не могла быть обжалована истцом. Суд отметил, что подозреваемым в терроризме необходимо сообщать как можно скорее об основаниях включения в санкционные списки. В любом случае, им должны предоставлять возможность высказывать собственную позицию.

Необходимо отметить, что эти две статьи предусматривают два разных правовых основания применения ограничительных мер. С одной стороны, ст. 75 требует обычной правотворческой процедуры, в которой Совет и Парламент действуют совместно. С другой стороны, в соответствии со ст. 215 правотворцем является только Рада, а Парламент подлежит информированию о ее решении. И хотя включение указанных статей и наделило Союз ясной компетенцией для применения мер предосторожности, неясным оставалось какая статья подлежит применению при каких обстоятельствах [1].

Эта проблема нашла свое отражение в деле Суда ЕС Европейский Парламент против Совета ЕС. В этом деле Парламент поставил вопрос об отмене регламента 1286/2009, который был принят Радой на основании ст. 215 (то есть с использованием исключительной компетенции совета), в игнорирование ст. 75 (то есть через совместную правотворческую процедуру совета и парламента). Указанный регламент вводил процедуру внесения в списки лиц, которые подозревались в связях с Аль-Каидой и Усамой бен Ладеном, а также процедуру оспаривания такого внесения. Суд отметил, что дело базируется на проблематике соотношения ст. ст. 75 и 215 и, исходя из того, что «не процедуры определяют правовую основу мер, но меры определяют процедуру, которая должна быть выполнена при использовании этих мер», отказал в иске парламента.

До сих пор речь шла об имплементации ЕС резолюций Совета Безопасности ООН, на основании которых создавались санкционные списки. Однако начиная с 2016 года Союз осуществляет собственную политику в данном вопросе, что является автономной от политики ООН. Так, 20 сентября 2016 года Советом было принято решение 2016/1693, которым был модифицирован режим применения санкций ЕС для ответа на специфические угрозы, представляющие члены ИГИЛ, в частности относительно наемничества. В преамбуле документа отмечалось, что ИГИЛ и Алькаида, а также связанные с ними физические и юридические лица и группы представляют угрозу международному миру и безопасности, а борьба с ними входит в сферу СЗППБ. Такая борьба осуществляется путем применения целевых ограничительных мер с целью предотвращения их деятельности. Также преамбула содержит ссылки на решения суда ЕС, согласно которым включение лица в санкционный список происходит с учетом

необходимых правовых гарантий его прав, в том числе путем уведомления лица о включении и предоставлении ему возможности оспаривать такое включение в судебном порядке [4].

Решение содержало ряд мер преимущественно экономического и финансового характера, подлежащих применению в отношении указанных выше организаций и лиц. Так, по ст. 1 накладывается эмбарго на поставки оружия, техники и сопутствующих материалов террористической группировкой и связанным с ними лицам. Особенно указывается на запрет поставки им финансовых услуг. Статьей 2 налагается запрет на въезд в страны-члены ЕС лицам, включенным в санкционный список. Статьей 3 вводится замораживание активов и других финансовых ресурсов, находящихся под прямым или косвенным контролем физических и юридических лиц и групп, определенных резолюциями Совета Безопасности, а также собственными актами ЕС. По тексту этой статьи, такое замораживание касается лиц, участвующих в финансировании, планировании, облегчении, подготовке и осуществлении актов, связанных с террористической деятельностью, поставке оружия и связанных материалов, вербовке в Аль-Каиду и ИГИЛ, а также всех лиц, связанных с указанными террористическими организациями и третьих лиц, действующих от их имени. При этом, однако, статья сохраняет целевой подход и принимает во внимание гуманитарные потребности. По пункту 5 настоящей статьи, возможна дерогация от обязательств по наложению санкций в отношении фондов и активов, которые необходимы для поддержания жизнедеятельности лица, в том числе, оплаты продуктов питания, найма жилья, медицинских услуг, налогов, страхования, а также для оплаты услуг по правовой помощи или направленных на оплату налогов и других обязательных платежей по национальному законодательству [6]. Такие исключения допустимы только после сообщения от государств-членов антитеррористическому комитету и положительного решения комитета, принимаемого в течение трех рабочих дней с момента уведомления. Статьей 5 предусматривается создание сводного санкционного списка организаций и лиц, а также процедура пересмотра Радой решения о включении в санкционный список в случае выявления новых сведений, имеющих существенное значение.

Важной особенностью описанного решения является то, что оно отразило предыдущий опыт, в том числе решение суда ЕС относительно автономных полномочий Совета по включению лиц в санкционные списки. По сравнению с общей позицией 2002 года, сфера охвата решения является более широкой. Оно касается не только лиц, организаций и групп, непосредственно участвующих в террористической активности, но также всех лиц, осуществляющих поставки им оружия и сопутствующих материалов, а также тех, которые осуществляют вербовку в их ряды или иным образом поддерживают их деятельность, и лиц, которые, будучи членами таких организаций, втянуты в преступную деятельность, что приводит к серьезным нарушениям прав человека.

Важно то, что, говоря о нарушениях прав человека, нельзя забывать и о правах лиц, по отношению к которым применены санкции. Эта проблема уже рассматривалась выше в аспекте наличия надлежащей процедуры обжалования решения о включении в санкционный список, однако защита прав таких лиц не ограничивается надлежащей процедурой. ЕС, очевидно, пытается соблюдать баланс между интересами собственной безопасности и интересами защиты прав человека. В первую очередь, речь идет о праве лиц на надлежащее судебное разбирательство [9].

Проведенное в 2006 году исследование по применению целевых санкций выявило такие процедурные проблемы как отказ в доступе к надлежащим судебным процедурам, что противоречит принципам международного права прав человека. Такое право, как известно, означает право каждого лица быть выслушанным до применения против него индивидуальных административных мер, а также право лица на судебное рассмотрение дела о возможном нарушении его прав беспристрастным судом или трибуналом. Согласно указанному исследованию, санкционный режим, устанавливаемый резолюциями Совета Безопасности ООН фактически не предоставляет лицам возможности быть выслушанными национальными судами, которые просто не имеют полномочий для пересмотра резолюций Совета Безопасности, ведь ООН имеет иммунитет от судебного разбирательства в национальных судах. Это противоречит ст. 47 Хартии основных прав ЕС, согласно которой каждый человек, чьи права и свободы, гарантированные по праву ЕС были нарушены, имеет право на эффективную защиту правовой защиты в суде. Это противоречие привело к появлению ряда решений Суда ЕС (самым известным из которых является уже описанное решение по делу Кади), которыми пересматривались решения Совета о включении в санкционные списки. Это стало одной из причин реформирования процедуры и предоставления права пересмотра решения о включении в списки по решению 2016 года.

Другой проблемой является вопрос о правовой природе санкций: следует ли их считать административной мерой или мерой уголовного наказания?. Акцент на административной природе санкций делает невозможным применение правовых гарантий, предусмотренных в уголовном процессе. В то же время, санкции соответствуют отдельным мерам уголовного наказания, вплоть до превентивного задержания без обвинения в совершении конкретного уголовного преступления. Следовательно, возникает потребность в приведении доказательств такого преступления в течение расследования [2].

Важным для эффективного применения санкций в рамках ЕС являются не только действия самого Союза и его органов, но и кооперация отдельных государств. Она достигается, в первую очередь, путем гармонизации национальных законодательств. Данный вопрос был урегулирован рамочным решением Рады от 22 июля 2003 года и директивой Европейского парламента от 3 апреля 2014 года. Этими документами было предоставлено широкое определение замораживания активов, которое может касаться движимого и недвижимого имущества, которое с точки зрения судов государств-членов используется для совершения преступления. Директива 2014 года определяет также, что к собственности, на которую может быть наложен арест, относятся любые прибыли или преимущества, полученные в результате уголовного преступления.

После 1999 года ЕСЧ начал работать над имплементацией принципа взаимного признания судебных решений. Что касается решений о замораживании активов, пригодилась Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности. В соответствии с ее ст. 11, " по запросу другой стороны, инициировавшей уголовное производство или производство с целью конфискации, сторона будет осуществлять необходимые меры предосторожности, такие как замораживание или конфискация с целью предотвращения любого использования или передачи

собственности которая позже может быть объектом запроса о конфискации, или такой, которая соответствует условиям запроса».

По упомянутому выше Рамочному решению от 22 июля 2003 года был внедрен принцип взаимного признания относительно приказов о замораживании активов, изданных национальными судами и прокурорами. Судьи национальных судов выносят решения о замораживании активов и направляют их в государство, где находится соответствующий актив по форме сертификата, который прикладывается к рамочному решению и содержит информацию о собственности, на которую накладывается арест, ее владельца и преступление, в связи с которым он накладывается. По ст. 7 рамочного решения, отказ в исполнении такого приказа о замораживании собственности возможна только в трех случаях: при наличии привилегии или иммунитета в государстве, в которое направлен приказ, из-за нарушения принципа запрета двойной уголовной ответственности, а также когда акт, приведший к замораживанию актива, не является преступлением по национальному законодательству принимающего государства. Также возможно приостановление выполнения приказа о замораживании актива, когда такое выполнение может привести к нежелательному вмешательству в уголовное расследование. Эта процедура, напоминающая процедуру выполнения европейского ордера на арест, существенно улучшила ситуацию в вопросе соотношения мер уголовного наказания и административных мер, ведь решение судов национальных государств о наложении ареста может быть обжаловано в национальных судах высшего уровня, то есть появилась гарантия судебного пересмотра, а сама процедура по административной стала судебной, правда используется она лишь в случае наложения ареста национальным судом, а не по списку, составленному Советом ЕС.

Важным для надлежащей процедуры является прозрачность (транспарентность) использования ограничительных мер, целью которых является защита двух важных прав: права лица знать о примененной против нее мере и права на разъяснение причин применения меры. Так, ст. 8 упомянутой выше директивы 2014/42 обязывает государства-члены «осуществлять все необходимые меры для обеспечения того, что приказ о замораживании будет передан лицу, которое он затрагивает, как можно быстрее после выполнения. Такое сообщение будет указывать, по меньшей мере кратко, причину или причины выдачи соответствующего приказа». В то же время, директива указывает на то, что в интересах уголовного расследования компетентные органы власти могут отложить сообщение о приказе о замораживании. Такой подход является хорошим примером баланса между защитой индивидуальных прав и эффективностью уголовного расследования в такой сложной области как борьба с терроризмом.

Напоследок следует рассмотреть проблематику использования санкций ЕС в борьбе с терроризмом в свете международного гуманитарного права. Частое использование в литературе и практике термина «война с международным терроризмом», а также фактическое ведение боевых действий против террористических группировок, в котором участвуют, в том числе, вооруженные силы государств-членов ЕС, заставляет рассмотреть санкции как средство в вооруженном конфликте, ведущемся против терроризма. Можно вспомнить статью 222 ДФЕС, согласно которой государства обязаны действовать в

духе солидарности, мобилизуя против террористических атак все свои ресурсы, в том числе, военные мощности.

Проблематика использования международного гуманитарного права были рассмотрены Судом ЕС по нескольким делам. Впервые этот вопрос был поднят по делу Хамас против Совета, где Хамас подал аргументы, основывавшиеся на предписаниях международного гуманитарного права, считая, что его деятельность была законной с точки зрения международного права. Однако Суд первой инстанции отказал в рассмотрении этих аргументов. В дальнейшем дело попало в суд ЕС, который 26 июля 2017 года направил его на новое рассмотрение.

Другим важным делом подобного типа стало дело Тигры Тамилу против Совета ЕС. В этом деле организация Тигры Тамилу представила аргумент что документы ЕС относительно санкций против террористических организаций не могут применяться в ситуации вооруженного конфликта, ведь к таким ситуациям применяется международное гуманитарное право. Суд, однако, указал, что «существование вооруженного конфликта не отменяет в случае совершения террористического акта не только положений международного гуманитарного права относительно нарушений права войны, но также и положений международного права, касающихся именно терроризма». Тот факт, "что террористические акты происходят от" борцов за свободу " или освободительных движений, участвующих в вооруженном конфликте, против репрессивного правительства является нерелевантным. Такое исключение из правила о запрете террористических актов в вооруженных конфликтов не имеет оснований в европейском праве или даже в международном праве. В своем осуждении террористических актов, европейское право и международное право не делают различия между статусом лица, совершившего акт и его целями и задачами». Также Суд не принял во внимание ссылку тигров Тамилу на статью 6 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям по которой против участников антиправительственных вооруженных формирований невозможно инициировать уголовное производство за сам факт участия в боевых действиях, поскольку антитеррористические документы ЕС касаются не участия в боевых действиях, а предупреждения террористических актов.

Таким образом, Суд ЕС отказался распространить привилегии и иммунитеты комбатантов на членов террористических организаций, по меньшей мере для тех моментов, когда они участвуют не в боевых действиях, а в планировании, организации и совершении террористических актов. Согласно этому решению, террористы не могут находиться под защитой международного гуманитарного права во избежание санкций за свое участие в актах терроризма.

Литература

1. Allansson M., Melander E., Themnér L. Organized violence, 1989-2016 // J. Peace Res. 2017. № 54 (4). P. 574 – 587.
2. Vapat N.A., Heinrich T., Kobayashi Y., Morgan T.C. Determinants of sanctions effectiveness: sensitivity analysis using new data // Int. Interact. 2013. № 39 (1). P. 79 – 98.

3. Bapat N.A., Kwon B.R. When are sanctions effective? A bargaining and enforcement framework // *Int. Organ.* 2015. № 69 (1). P. 131 – 162.
4. Bapat N.A., Clifton Morgan T. Multilateral versus unilateral sanctions reconsidered: a test using new data // *Int. Stud. Q.* 2009. № 53 (4). P. 1075 – 1094.
5. Bechtel M.M., Schneider G. Eliciting substance from ‘hot air’: financial market responses to EU summit decisions on European defense // *Int. Organ.* 2010. № 64 (2). P. 199 – 223.
6. Biglaiser G., Lektzian D. The effect of sanctions on U.S. foreign direct investment // *Int. Organ.* 2011. № 65 (3). P. 531 – 551.
7. Research Service, R45618. <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R45618.pdf>
8. Chazan G., Pitel L. Germany Halts Arms Exports to Saudi Arabia After Khashoggi’s Death. *Financial Times* October 22. 2018.
9. Christie E.H. The design and impact of Western economic sanctions against Russia // *Russ. J.* 2016. № 161 (3). P. 52 – 64.
10. European Commissio, Communication from the Commission to the European Council, the European Parliament and the Council: a stronger global actor: a more efficient decision-making for EU Common Foreign and Security Policy. COM(2018) 647 September 12. 2018.

References

1. Allansson M., Melander E., Themnér L. Organized violence, 1989-2016. *J. Peace Res.* 2017. № 54 (4). P. 574 – 587.
2. Bapat N.A., Heinrich T., Kobayashi Y., Morgan T.C. Determinants of sanctions effectiveness: sensitivity analysis using new data. *Int. Interact.* 2013. № 39 (1). P. 79 – 98.
3. Bapat N.A., Kwon B.R. When are sanctions effective? A bargaining and enforcement framework. *Int. Organ.* 2015. № 69 (1). P. 131 – 162.
4. Bapat N.A., Clifton Morgan T. Multilateral versus unilateral sanctions reconsidered: a test using new data. *Int. Stud. Q.* 2009. № 53 (4). P. 1075 – 1094.
5. Bechtel M.M., Schneider G. Eliciting substance from ‘hot air’: financial market responses to EU summit decisions on European defense. *Int. Organ.* 2010. № 64 (2). P. 199 – 223.
6. Biglaiser G., Lektzian D. The effect of sanctions on U.S. foreign direct investment. *Int. Organ.* 2011. № 65 (3). P. 531 – 551.
7. Research Service, R45618. <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R45618.pdf>
8. Chazan G., Pitel L. Germany Halts Arms Exports to Saudi Arabia After Khashoggi’s Death. *Financial Times* October 22. 2018.
9. Christie E.H. The design and impact of Western economic sanctions against Russia. *Russ. J.* 2016. № 161 (3). P. 52 – 64.
10. European Commissio, Communication from the Commission to the European Council, the European Parliament and the Council: a stronger global actor: a more efficient decision-making for EU Common Foreign and Security Policy. COM(2018) 647 September 12. 2018.

***Правовая природа договоров в сфере краудфандинга: анализ регулирования
отношений совместного инвестирования и спонсорства***

Аминов Г.А., кандидат юридических наук, доцент,
начальник отдела Администрации Главы и Правительства Республики Дагестан,
Рагимов А.Т., доктор юридических наук, профессор,
Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: для науки гражданского права актуальным для решения является вопрос о правовой природе договоров, опосредующих отношения совместного инвестирования и спонсорства. Важным является определение потенциала применения действующих положений договорного права к соответствующим отношениям. Следует отметить, что данный вопрос поднимался в науке, однако окончательного решения в доктрине не нашло. Так, бесплатный краудфандинг (спонсорство) может регулироваться в соответствии с правовым режимом договора дарения, а в случаях возмездного финансирования должны учитываться положения законодательства, регулирующие отношения по выполнению возмездных договоров (договора купли-продажи и других). В литературе встречаем мнение, что для упорядочения взаимоотношений участников краудфандинга необходимо выработать единые правила, разработать нормативно-правовую базу, регламентирующую взаимодействие между всеми сторонами и участниками, а не отдельными видами. Поэтому предлагается разработать проекты соглашения между пользователями краудфандинговой площадки о взаимоотношениях с участниками; агентского договора, регулирующего отношения интернет-платформы с инициаторами проекта; договора, регламентирующего деятельность по приему платежей; договора займа, купли-продажи, предоставления услуг, регламентирующих взаимоотношения инвесторов с инициаторами проекта; соглашение об обработке персональных данных пользователей платформы.

Ключевые слова: интернет-платформы, платежи, договора, инвесторы, проекты

***The legal nature of crowdfunding contracts: analysis of the
regulation of joint investment and sponsorship relations***

Aminov G.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Head of the Department of Administration of the Head and Government of the Republic of Dagestan,
Rahimov A.T., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
North Caucasus Institute, a branch of the All-Russian State
University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract: for the science of civil law, the question of the legal nature of contracts mediating the relationship of joint investment and sponsorship is relevant for solving. It is important to determine the potential of applying the current provisions of contract law to the relevant relations. It should be noted that this issue has been raised in science, but it has not found a final solution in the doctrine. Thus, free crowdfunding (sponsorship) can be regulated in accordance with the legal regime of the donation agreement, and in cases of paid financing, the provisions of legislation governing the relations for the implementation of paid contracts (purchase and sale agreements and others) must be taken into account. In the literature, we find the opinion that in order to streamline the relationships of crowdfunding participants, it is necessary to develop uniform rules, develop a regulatory framework regulating interaction between all parties and participants, and not individual types. Therefore, it is proposed to develop draft agreements between users of the crowdfunding platform on relations with participants; an agency agreement regulating the relationship of the Internet platform with the initiators of the project; an agreement regulating the activity of accepting payments; a loan agreement, purchase and sale, provision of services regulating the relationship of investors with the initiators of the project; an agreement on the processing of personal data of users of the platform.

Keywords: *intrnet-platforms, payments, contracts, investors, projects*

В литературе отмечается, что несмотря на то, что как отдельный вид деятельности краудфандинг в России не регулируется, но на практике нередко используется форма договора софинансирования, что является типичным для реализации проектов государственного и коммунального значения.

Для корректного определения правовой природы отношений совместного инвестирования и спонсирования (в том числе и с использованием цифровых инструментов) необходимо исследовать корреляцию вышеупомянутых отношений с правоотношениями, возникающими на основании заключения договора о совместной деятельности, ведь инвестирование и спонсирование является видом деятельности, а договор о совместной деятельности является одной из главных форм осуществления такой деятельности, о чем неоднократно отмечалось в профессиональной литературе [3]. В юридической публицистике также неоднократно отмечалось, что Институт общей собственности, положенный в основу договоров о

совместной деятельности, способен обеспечить юридическую сбалансированность интересов субъектов соответствующих договорных отношений, а возможность привлечения к проекту большого количества субъектов увеличивает потенциал финансирования определенного проекта.

В.В. Резникова среди обще-понятийных признаков совместной деятельности предлагает выделять следующие:

- наличие общих цели и мотивации;
- разделение процесса деятельности на функционально связанные между собой составляющие (отдельные операции) и распределение их между участниками;
- объединение усилий отдельных субъектов, их индивидуальных деятельностей и согласованное (скоординированное) их осуществление;
- наличие управления в рамках осуществления деятельности;
- наступление совместных запланированных результатов;
- единое пространственно-временное пребывание и функционирование всех участников совместной деятельности.

В. Посполитак, Р. Ханик-Посполитак среди базовых признаков правоотношений, возникающих по договорам о совместной деятельности выделяют следующие:

- осуществляется совместная деятельность лиц (часто более двух) для достижения любой общей цели, не противоречащей закону;
- деятельность осуществляется без создания юридического лица, хотя целью деятельности может быть создание юридического лица;
- каждый участник данных правоотношений выступает одновременно как должник и как кредитор, однако ни один участник не может требовать исполнения для себя лично, равно как и не обязан выполнять обязательства непосредственно другой стороне;
- взаимные права и обязанности сторон договорных правоотношений обусловлены необходимостью достижения общей цели;
- в отличие от договоров купли-продажи, мены, дарения, поставки в случае совместной деятельности не происходит переход имущества от одного собственника к другому, а права на имущество нередко объединяется в общую собственность;
- наличие у сторон общего интереса в отличие от договоров купли-продажи, имущественного найма (аренды) и т.п.;
- договорные правоотношения имеют четкий организационный характер (заключение договора, предоставление доверенности и т.п.);
- суть данного вида деятельности предполагает внешнюю реализацию, ведь она предполагает необходимость сторонам вступать в отношения с третьими лицами;
- данные правоотношения чаще всего являются долговременными с указанием срока или без указания срока их действия;
- обязательства, возникающие из данного вида договоров, имеют личный характер.

Сторонами договора о совместной деятельности могут быть как физические, так и юридические лица, а также физические лица-предприниматели, что является достаточно схожим с субъектным составом отношений совместного инвестирования и спонсирования, о чем подробнее речь пойдет в следующих подразделах диссертации [7].

Онищенко приводит следующие возможности применения для субъектов гражданских правоотношений договоров о совместной деятельности:

- оформление ведения хозяйственной деятельности на общей основе с другими субъектами хозяйствования без необходимости создания юридического лица;
- распоряжение надлежащим лицу имуществом путем передачи его в совместное использование другим субъектам.
- оформление совместной собственности на имущество, используемое в хозяйственной деятельности, нескольких участников;
- распространение общей долевой собственности на плоды, продукцию и доходы от использования имущества совместной деятельности, а также осуществление дальнейшего их распределения на основе размера долей участников совместной деятельности. Однако, исследователями достаточно ограниченно учитывается потенциал от договорного регулирования совместной деятельности в форме совместного инвестирования или спонсирования.

Исследователи состояния развития современного законодательства в сфере краудфандинговых отношений среди этапов юридического оформления онлайн-платформы для осуществления краудфандинговой деятельности предлагают выделять этап заключения договора между краудфандинговой платформой и автором проекта (договор о намерениях в начале сбора средств и заключения договора о предоставлении гранта после сбора суммы, а в случае сбора как ФЛП – заключение договора о совместной деятельности). Аналогичного мнения придерживается и Н.В. Бахур, выделяя договор о совместной деятельности как основной источник регулирования отношений между субъектами краудфандинговых правоотношений [10].

В отечественной практике также находим случаи использования конструкции договора о совместной деятельности для регулирования отношений между краудфандинговой онлайн-площадкой и собственно лицом, желающим привлечь средства на реализацию определенной инициативы. Собранные денежные средства перечисляются Автору и/или исполнителю проекта после подписания между организацией и исполнителем проекта Соглашения о предоставлении гранта и/или договора о совместной деятельности».

Так, составители аналитического отчета "финансирование креативных индустрий", который имел целью исследовать потребность креативных индустрий в финансировании и готовность поставщиков финансирования удовлетворить эту потребность, найдя потенциальные точки соприкосновения, пришли к выводу, что актуальным для использования в условиях отечественной юридической практики является механизм финансирования соответствующих проектов децентрализованным кругом инвесторов путем кредитования под залог будущих продаж на условиях договора о совместной деятельности [8]. Авторы отчета видят суть очерченного механизма в финансировании разработки нового инновационного продукта

путем привлечения средств от третьих лиц (поставщиков финансирования – юридических или физических лиц) с последующей выплатой части средств, полученных от реализации этой продукции. Среди преимуществ данного механизма исследователи называют возможность инвесторов вернуть вложенные средства и в дальнейшем получать доход от реализации произведенной продукции и одновременная опция " разблокировать доступ к финансовым ресурсам для бизнесов из креативных индустрий, особенно продуктовых».

На основании анализа действующего законодательства А. Мацюк, М. Костюк и Т. Шиманская засвидетельствовали приемлемость использования договора о совместной деятельности без объединения вкладов для реализации механизма децентрализованного финансирования инновационных проектов. Как отмечают исследователи, договоры о совместной деятельности довольно нечасто применяются в отечественной практике из-за своей сложности и недоверия сторон договорных правоотношений к данной правовой конструкции [5]. Однако, несмотря на это договор о совместной деятельности имеет ряд преимуществ для финансирования проекта, ведь не требует документов, расчетов или других материалов, более сложных, чем те, которые требуются на условиях обычного банковского кредитования. Одновременно, " требование к наличию программы совместной деятельности, описания инвестиционного проекта, описания видов работ и бюджета совместной деятельности дисциплинирует участников, требует тщательного расчета всех необходимых для проекта расходов, планирования деятельности и обсуждения существенных условий».

А. Цвик отмечает, что для удобства ведения совместной деятельности в соответствии с договорным регулированием данных правоотношений, краудфандеры, в зависимости от типа краудфандинга, могут также регистрировать юридические лица и выступать как ее представители или быть зарегистрированы как физические лица-предприниматели [1]. Как видим, подход к сущности и цели краудфандинга может быть разным, однако специалисты в области привлечения инвестиций констатируют, что наиболее оптимальным является последовательный, поэтапный сбор средств. Именно тогда инвесторы и доноры смогут видеть, как происходит реализация проекта, как расходуются средства, и есть ли смысл в дальнейшем участии. Также для обеспечения инвесторов информацией возможно использование специальных сайтов, где указывается сколько средств уже было собрано из общей суммы.

Подытоживая вышесказанное, можно констатировать, что отношения в сфере совместного инвестирования и спонсирования не являются однородными отношения в сфере совместного инвестирования и спонсирования выходят за пределы отношений в сфере благотворительности, размещения ценных бумаг или прямого инвестирования. Несмотря на то важным является празднование именно частноправового характера данных отношений, что обуславливает важность проведения исследования основ правового регулирования данных отношений, учитывая в целом разрешительный характер законодательства в данной сфере [4].

Совместное инвестирование как экономическое явление начало развиваться стихийно, а основной причиной его распространения и дальнейшего увеличения популярности стало развитие интернет-технологий. Впоследствии перед законодателями по всему миру актуализировался вопрос правового

регулирования отношений, связанных с привлечением средств с использованием цифровых инструментов и установления правил деятельности краудфандинговых платформ.

Предметом правового регулирования являются общественные отношения. В свою очередь, общественные отношения, урегулированные правом называются правоотношениями. Каждая отрасль, подотрасль или институт права регулирует определенную обособленную по определенным признакам (к которым, в первую очередь относится состав правоотношений) группу отношений [6].

Как отмечает А.А. Вакула, рынок краудфандинга в ЕС развивался по сравнению с другими традиционными инструментами и механизмами финансирования инвестиционных проектов гораздо меньше. В течение длительного промежутка времени основным препятствием, сдерживавшим развитие отношений совместного инвестирования на территории государств-членов Европейского Союза, было отсутствие общих единых правил осуществления такой деятельности, а также различные требования к лицензированию в пределах Европейского Союза. Это обстоятельство приводило к избыточным расходам, связанным с соблюдением нормативных требований и предписаний национальных законодательств, что затрудняло дальнейшее масштабирование рынка услуг, предоставляемых краудфандинговыми платформами. В дальнейшем законодательство в сфере совместного инвестирования и спонсирования развивалось в европейских странах прямопропорционально развитию механизмов альтернативного финансирования в европейских странах.

В Великобритании еще 1 апрель 2014 года регулирование рынка потребительского кредитования было передано Financial Conduct Authority (FCA) в том числе полномочия по регулированию кредитных отношений в отношении средств, привлеченных с помощью краудфандинговых платформ. Органом были разработаны правила, регулирующие финансовые формы инвестирования. Правила призваны защитить инвесторов в этой части рынка краудфандинга и обеспечить доступ потребителей, заинтересованных в кредитовании физических или юридических лиц к четкой информации. Это позволяет инвесторам оценить риск и владеть информацией о заемщике. В документе четко определены основные требования по защите прав потребителей, действующих фирм на этом рынке. Например, «инвестированные средства должны быть защищены, а предприятия должны соответствовать минимальным стандартам по отношению к доступному капиталу. Особое внимание уделено урегулированию ситуации, если краудфандинговая платформа по каким-то причинам прекращает свою деятельность, то погашение кредитов по-прежнему должны взиматься с предприятий, получивших кредиты (инвестиционные вливания), в соответствии с заключенным договором, без потери средств [9]. Также, в соответствии с правилами, FCA имеет полный доступ к публичной информации предприятий, привлекающих финансовые инвестиции для контроля за правдивостью информации относительно стоимости акций, суммы прибыли и выплаты дивидендов и т.д.".

Так, уже существующие на момент вступления в силу положения краудфандинговые платформы, намеревающиеся продолжать осуществлять предоставление деятельности по обеспечению совместного инвестирования, должны в течение двенадцати месяцев получить разрешение на ведение соответствующей деятельности (переходный период, однако, может быть продлен Европейской комиссией еще на двенадцать месяцев).

По окончании переходного периода предлагать и осуществлять услуги на территории Европейского союза смогут только те краудфандинговые платформы, которые соответствуют требованиям Положения. Положение не содержит запрета осуществлять краудфандинговым платформам других видов деятельности в случае приобретения ими особого статуса (например, статуса инвестиционной фирмы) при соблюдении условия, что правила, применяемые к этим субъектам инвестиционной деятельности, позволяют предоставление краудфандинговых услуг (не содержат ограничений) и таким поставщиком получены соответствующие разрешения.

Положение применяется также к отношениям в отношении краудфандинговых услуг, связанных с совместным получением и передачей заказов инвесторов по размещению ценных бумаг, передаваемых для целей краудфандинга на публичной платформе, которая обеспечивает неограниченный доступ для инвесторов. Совместное предоставление этих услуг является ключевой особенностью краудфандинговых услуг. Краудфандинговая услуга осуществляется с помощью "краудфандинговой платформы", которая означает общедоступную онлайн-информационную систему, организованную или управляемую поставщиком краудфандинговых услуг. Предоставлять краудфандинговые услуги может только поставщик краудфандинговых услуг " (исключительно юридическое лицо). Стоит отметить, что, согласно Положению, краудфандинговые проекты, представленные на краудфандинговой платформе должны касаться деловой активности, а максимальная сумма, которую может привлечь автор проекта устанавливается в размере 5 млн евро (сумма рассчитывается за период двенадцати месяцев на всей территории Европейского союза).

Отдельно положением предусматривается обязательность наличия у каждого краудфандингового предложения шестистраничного инвестиционного информационного листа, форма и содержание которого стандартизированы и предусмотрены положением [2]. Поставщики краудфандинговых услуг также могут управлять доской объявлений, которая позволяет своим клиентам выражать интерес к отчуждению или приобретению кредитных обязательств или ценных бумаг, которые изначально предлагались на их краудфандинговых платформах.

А.С. Уголькова и С.Е. Гончар в результате анализа действительного уровня правового регулирования отношений совместного инвестирования в России также приходят к выводу о необходимости включения краудфандинговой деятельности в объекты регулирования кредитно-инвестиционной политики России. Как отмечают в своем исследовании ученые, субъектом государственного регулирования краудфандинговой деятельности должно выступать государство, которое с помощью центральных и местных органов власти должно обеспечить прямое управленческое влияние на данные социальные отношения. В качестве управляемой подсистемы авторы рассматривают краудфандинговую деятельность то есть отношения между соответствующими краудфандинговыми платформами (площадками), реципиентами-краудфандерами и физическими или юридическими лицами, их выступающими спонсорами или инвесторами. Государственное управление в сфере краудфандинговой деятельности, по мнению А.С. Угольковой и С.Е. Гончара, заключается в содействии и создании условий для развития краудфандинга, а именно: "систематическом обеспечении условий для начала и постоянного совершенствования

краудфандинговых платформ; усилении их сотрудничества с иностранными платформами; осуществлении ряда мероприятий по легализации полученных от краудфандинговой деятельности доходов (как для авторов проекта, так и для основателей краудфандинговой платформы), и, самое главное, – в популяризации этого финансового инструмента среди населения и в законодательном приравнении его к другим способам аккумуляции капитала».

Литература

1. Барышникова А.А. Правовое регулирование краудфандинга в России // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 76 – 81.
2. Воробьев А.А. Совместное инвестирование: правовые аспекты // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2016. № 3. С. 115 – 127.
3. Глуценко М.А. Краудфандинг как вид финансирования: юридические аспекты // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 84 – 89.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 28.12.2021) // КонсультантПлюс.
5. Ильина Е.В. Краудфандинг в России: правовые проблемы и перспективы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 2. С. 20 – 26.
6. Кузьмин А.А. Краудфандинг в России: правовые аспекты // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2014. № 4. С. 122 – 135.
7. Лебедев Д.Ю. Спонсорство как вид финансирования: правовые аспекты // Адвокат. 2017. № 2. С. 18 – 22.
8. О внесении изменений в Федеральный закон "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных площадок" и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.07.2016 N 244-ФЗ // КонсультантПлюс.
9. Романова Е.С. Краудфандинг: новый инструмент финансирования проектов // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 54 – 59.
10. Ходжаева Г.Ш. Правовые основы краудфандинга в Российской Федерации // Юридическая наука и практика. 2020. № 3. С. 92 – 96.

References

1. Baryshnikova A.A. Pravovoe regulirovanie kraudfandinga v Rossii. Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 3. S. 76 – 81.
2. Vorob'ev A.A. Sovmestnoe investirovanie: pravovye aspekty. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11, Pravo. 2016. № 3. S. 115 – 127.
3. Glushhenko M.A. Kraudfanding kak vid finansirovaniya: juridicheskie aspekty. Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 7. S. 84 – 89.
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 26.01.1996 N 14-FZ (red. ot 28.12.2021). Konsul'tantPljus.

5. Il'ina E.V. Kraudfanding v Rossii: pravovye problemy i perspektivy. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo. 2017. № 2. S. 20 – 26.
  6. Kuz'min A.A. Kraudfanding v Rossii: pravovye aspekty. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11, Pravo. 2014. № 4. S. 122 – 135.
  7. Lebedev D.Ju. Sponsorstvo kak vid finansirovanija: pravovye aspekty. Advokat. 2017. № 2. S. 18 – 22.
  8. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "O privilechenii investicij s ispol'zovaniem investicionnyh ploshhadok" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 03.07.2016 N 244-FZ. Konsul'tantPljus.
  9. Romanova E.S. Kraudfanding: novyj instrument finansirovanija proektov. Zhurnal rossijskogo prava. 2015. № 1. S. 54 – 59.
  10. Hodzhaeva G.Sh. Pravovye osnovy kraudfandinga v Rossijskoj Federacii. Juridicheskaja nauka i praktika. 2020. № 3. S. 92 – 96.
-